

Чо Джу Гван
(университет Ёнсей)

ДОСТОЕВСКИЙ И ЛИ МУН ЁЛЬ

I. Проблема интертекстуальности

В анализе современных литературных произведений термин «интертекстуальность» возник как важное и привлекающее интерес многих учёных понятие. Обычно интертекстуальность определяется как взаимосвязь между одним и другим литературными текстами. Таким образом такие привычные инструменты исследования первоисточника, как «цитата», «заимствование», «перевод», «пародия», «плагиат», «аллюзия», «корректировка», а также «стилизация» в широком смысле могут упоминаться в рамках понятия интертекстуальности.

Интертекстуальность имеет свои корни в теории диалогизма Михаила Бахтина. Джулия Кристева, знакомя Францию с творчеством Бахтина, вывела концепцию интертекстуальности как соединение диалогизма с проблемой текста и нового его истолкования. Согласно Михаилу Бахтину, все тексты представляют собой не мир завершённой и закрытой текстуальности, а являются бесконечным поглощением текстуальности и ее видоизменением. Поэтому слово по своей сути не может существовать без связи с другими словами. Для обозначения связи одного слова с другим Бахтин применяет термин диалогизм. Данный термин, обладающий многогранным значением, объясняет интертекстуальность всех связей между двумя словами на самом главном уровне. По словам находившейся под влиянием Бахтина Кристевой, «все тексты, словно мозаика, состоят из различных действующих лиц. Все тексты в определенной сте-

пени являются не более чем поглощением и видоизменением других текстов»¹. То есть интертекстуальность, иными словами, указывает на взаимосвязь какого-то одного текста с другими. Однако интертекстуальность является многогранной концепцией, имеющей очень широкий спектр. Интертекстуальность в самом узком смысле слова выражается в каком-то определенном тексте через формы цитирования и повторения одного текста другим. Некоторые литературные произведения имеют интертекстуальную связь не только с классическими литературными произведениями и историческими описаниями, но и с нелитературными историческими записями разных эпох. В широком смысле слова интертекстуальность обнаруживается в собрании всех значений, возникающих между двумя текстами, двумя субъектами, а также на общем литературном фоне, к которому принадлежит текст.

Интертекстуальность отрицает абсолютную оригинальность и сотворенность текста. С точки зрения интертекстуальности текст, так же как и все остальное, не нов под солнцем, является не более чем одной данной системой и видоизменением другой системы. С этой точки зрения доминирующее использование рамочного романа и интертекстуальности впервые после достижений модернизма не является случайностью.

Однако не все учёные разделяют подобное мнение о понятии интертекстуальности. Цветан Тодоров рассматривается её с точки зрения упоминания; осознавая интертекстуальность как важный элемент, он объясняет это упоминанием в одном тексте другого. Однако, по определению Лоран Жени, интертекстуальность «отличается от простого цитирования или упоминания. В случае простого цитирования или упоминания происходит механическое повторение элемента предыдущего текста без особого значения, интертекстуальность же цитирует и изменяет общую структуру, форму и модель значения»².

Осуществив синтез всех этих понятий, можно сказать, что интертекстуальность — это поглощение особенностей предыдущего текста последующим с помощью открытой или скрытой цитаты, аллюзии или пародии, или отражение в одном тексте других литературных текстов с помощью простой ссылки на общие литературные правила и примеры, и используется концепция интертекстуальности для анализа различных методов неизбежного соединения с другими текстами.

Представляется очень полезным и перспективным применение понятия интертекстуальности к познанию взаимосвязи между Достоевским и выдающимся современным корейским писателем Ли Мун Ёлем (р.1948). В действительности можно сказать, что русская литература, как никакая другая из зарубежных литератур, оказала огромное влияние на современную корейскую литературу. Суть заключается в том, что выраженные в текстах Достоевского различные идеи и темы, методы написания романа, характеристика героев, структурный метод были тонко заимствованы или видоизменены в романах Ли Мун Ёля.

Следовательно, при анализе романа Ли Мун Ёля «Сын человеческий» необходимо рассмотреть, на каком фоне видоизменялись и развивались содержание и идеи романа.

II. Достоевский и Ли Мун Ёль

В кругах корейских писателей и читателей Достоевский считается бесспорно самым лучшим писателем в мире, а также писателем, поднявшим интеллектуальный уровень корейских романов. После знакомства Кореи с Достоевским в 1930-х годах многие корейские писатели восхищались им и пытались создать произведения, подобные его великим шедеврам. Корейских писателей, оказавшихся под влиянием Достоевского, было так много, что они образовали целую группу. Типичными представителями ее являются Сон Чхан Соб, Ким Донг Ин, Ли Мун Ёль, Чве Су Чхоль, Пак Ёнг Хан. Они как романисты эпохи, обычно читавшей произведения Достоевского в японских переводах, играли ведущую роль в формировании корейской литературы 1940-х годов. Атмосфера их произведений была обычно мрачна и трагична, так как они являлись писателями, жившими в печальную эпоху японского колониализма. Романист Сон Чхан Соб после издания в 1949 году романа «Ненавистный дождь» создал роман «Лишний человек» и много других произведений. Романы Сон Чхан Соба имеют много общего с ранними романами Достоевского. Действующие лица и тема «Бедных людей» — раннего произведения Достоевского — практически повторяются в романе Сон Чхан Соба. Рассказ о добрых людях, страдающих не просто от нужды, а от абсолют-

ной нищеты, является главной темой романов двух писателей. Сон Чхан Соб в «Лишнем человеке» очень реалистично описывает жизнь бедных интеллектуалов. В самом названии его романа «Лишний человек» сквозит русское происхождение. Современными корейскими писателями, особенности стиля которых почти схожи с Достоевским, являются Чве Су Чхоль и Ли Мун Ёль. Чве Су Чхоль написал такие произведения, как «Любовь одного нигилиста», «В брюхе кита», «Ореол тьмы», «Кровь духа», «Двойники». Уже в названиях его произведений явно чувствуется стиль Достоевского. Автор проявляет особый интерес к человеку и наблюдает за особенностями различных людей, как бы проводя антропологическое исследование. Поражает совершенство психологического анализа таких различных людей, как проститутка, нищий, бродяга, сутенер, душевнобольной, врач, судья, полицейский. В «Любовнице Кириллова» Пак Ёнг Хана используется имя Кириллова, одного из действующих лиц «Бесов» Достоевского. Поэт Со Чжонг Джу, также взяв в качестве сюжета произведение Достоевского, издает сборник стихов под названием «Отзвуки Достоевского». Ли Мун Ёль является писателем, воздвигнувшим золотую башню в истории современного корейского романа начиная с 70-х годов. Он опубликовал множество произведений, таких как «Знаете ли вы Назарет», «Сын человеческий», «Рана», «Тень тьмы», «Свинья филона», «Образ юных дней», «Безымянный остров», «Наш искаженный герой», «Поэт». Хорошо известно, что Достоевский оказал огромное влияние на Ли Мун Ёля. Особенно на него повлияли поздние романы Достоевского. Ли Мун Ёль признавался, что впервые прочитав Достоевского, часто называемого величайшим светилом русской литературы, почувствовал, что столкнулся с «огромной глыбой», и проникся его «огромным отчаянием». Кроме того Ли Мун Ёль говорил, что «если бы я сегодня ночью смог написать один из трёх великих шедевров Достоевского и завтра бы умер, то не было бы у меня больше никаких печалей»³.

Первый роман Ли Мун Ёля «Сын человеческий» является произведением, состоящим из заимствования и вариаций романов Достоевского. С другой стороны «Сын человеческий» безусловно является личной историей писателя и произведением, оставившим заметный след в истории современного корей-

ского романа. В конце 70-х годов, когда было написано и издано данное произведение, литературный мир Кореи был разделен на два полюса — народная литература и эмоциональная литература. Между этими двумя полюсами лежала непреодолимая бездна. Волна народной литературы, как шторм, окутала мир корейской литературы. Народная литература, подчеркивавшая свою значимость как «литература народа, согласная с народом, и для народа», отвечала требованиям того печального времени и вызывала огромные положительные отклики у читателей. Представители народной литературы видели ее цель в улучшении жизни народа и выражении социальной справедливости. Эмоциональная литература в сравнении с народной или трудовой была равнодушна к проблемам свободы человека или социальной справедливости и более проявляла интерес к проблемам любви между мужчиной и женщиной, изображенным с помощью эмоционального литературного стиля. Если произведения народной литературы более уделяли внимание содержанию, то произведения эмоциональной литературы — форме и стилю. В период этого двухполюсного противостояния в мире корейской литературы произведение Ли Мун Ёля «Сын человеческий» имело собственную устойчивую сущность, не позволяющую примкнуть к какому-либо полюсу. Это произведение утвердило свою самостоятельность, не претендуя на принадлежность к народной или эмоциональной литературе, и имело по-своему оригинальные литературные достоинства. Определив освобождение и свободу человека в качестве конечной цели, автор применил совершенно иную форму и метод по сравнению с народной или трудовой литературой. Демонстрируя приемы детективного жанра, роман вызывал чувство напряжения и реальности происходящего у читателей, но автор не снизошел до уровня простого эмоционального описания. С этой точки зрения «Сын человеческий» был отличительным романом на фоне того времени. Значение и важность данного романа следует искать в области важнейших проблем существования человека. «Сын человеческий» Ли Мун Ёля с точки зрения романических традиций имеет свои корни в более чем одной традиции. Каждое литературное произведение несет свои собственные традиции и обычаи, утвержденные длительной историей. Жанры романов, в зависимости от традиций,

можно разделить на психологический, исторический, характеров, воспитания, любовный, социально-бытовой, социальный, научно-фантастический и т.д. Однако «Сын человеческий» выходит далеко за пределы этой классификации. Прежде всего это произведение с точки зрения романических традиций принадлежит к жанру идейного романа. По классификации жанров роман Ли Мун Ёля имеет схожие корни с идейным романом Достоевского. Над жизнью и сознанием героев этого романа преобладает абстрактная идея, что обычно свойственно романам, принадлежащим к традиции идейных романов. Особенно большой интерес здесь проявляется к отношению между Богом как сверхъестественным существом, и человеком, а также к проблеме необходимости и стремления к свободе, свободы и ответственности, исходящей из этого отношения. Подобная идейность особенно хорошо прослеживается в сюжете, связанном со скитаниями Ахаса Перца, записанными в тетради героя Мин Йо Соба, а также в сюжете о Мин Йо Собе, скептически размышляющего о христианском мировоззрении. Можно сказать, что среди множества тем, рассматриваемых идейными романами, проблема сверхъестественного существования является наиболее актуальной.

Однако среди романических традиций нет более трудной для изучения и, следовательно, для достижения успеха традиции, чем роман идей. Выражение идеи, сравнимое с надеванием одежды на человеческое сознание, является довольно трудным делом и в определенном смысле выглядит почти невозможным. Это доказывает тот факт, что в истории литературы писателей, добившихся успеха в качестве идейных романистов, совсем не много. Потому что стоит только писателю чрезмерно впасть в идейность, роман легко может снизойти до уровня жалкого подобия философии. Не будет ошибкой сказать, что «Сын человеческий» в серьезном смысле слова является самым первым корейским идейным романом.

В попытке написания подобного идейного романа Ли Мун Ёль взял произведения Достоевского в качестве модели. «Сын человеческий» — это произведение, на которое значительно повлияли два романа Достоевского — «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы». В различных местах романа Ли Мун Ёля прослеживается след Достоевского. Произведения

этого русского писателя, особенно «Братья Карамазовы», оказали значительное влияние на Ли Мун Ёля. Этот роман Достоевского очень высоко ценился им как произведение, где автор добился успеха в исследовании глубины и сложности человеческого духа с помощью редкой психологической и философской наблюдательности. Сцена спора Ахаса Перца и Иисуса и сцена разговора великого мудреца с сыном человеческим на равнине из «Куарантальи» имеют тесную связь с третьей («Братья знакомятся»), четвертой («Бунт») и пятой («Великий инквизитор») главами книги пятой романа «Братья Карамазовы». То есть слова Ахаса Перца и великого мудреца ассоциируются со словами Ивана Карамазова и его младшего брата Алеши. Например, слова Ивана о том, что Бога создал «человек по образу своему и подобию» (14; 218) почти схожи со словами Ахаса Перца: «Может быть, не Он создал нас, а мы Его»⁴. В «Куаранталье» великий мудрец, почти повторяя слова Ивана, говорит сыну человеческому следующее: «Ты веришь, что мы создали тебя по нашему образу и подобию, правда же в том, что мы нашли свой облик после твоего создания»⁵. Слова Ивана: «Страдание есть <...> виновных нет» (14; 222) имеют сходство со словами великого мудреца: «По твоему писанию их смерть стала платой за грех. Однако изначально такой грех не существовал»⁶. Утверждение Ивана о «возмездии <...> на земле, и чтоб я его сам увидал» (14; 222) имеет один и тот же смысл со словами Ахаса Перца: «Дело, свершенное на земле, должно быть на земле и судимо»⁷.

Между поэмой Ивана «Великий инквизитор», где действие происходит на фоне XVI века в Севилье, и записками странствий Ахаса Перца в «Куаранталье» имеется слишком много общих черт, заставляющих сомневаться в простом совпадении. Кардинал в качестве великого инквизитора эпохи, достигшей высшего накала религиозного суда, спрашивает у Иисуса, вторично вернувшегося на землю: «Зачем же Ты пришел нам мешать?» (14; 229), и напоминает Ему об искушении в пустыне. По его мнению, Иисус, отвергнув в конце концов все соблазны дьявола, в результате возлагает на плечи человека еще более тяжелую ношу, чем раньше. Большинство из этих слов напоминают слова Ахаса Перца, сказанные Иисусу на равнине Куарантальи. Великий инквизитор у Достоевского говорит: «Есть три

силы, единственные три силы на земле, могущие навеки победить и пленить совесть этих слабосильных бунтовщиков, для их счастья, — эти силы: чудо, тайна и авторитет» (14; 232). Великий мудрец Ли Мун Ёля говорит сыну человеческому: «Только хлеб, чудо и власть могут поработить вас и без лишних раздумий отправить на старый холм»⁸. Более того, подобно великому инквизитору, сказавшему Иисусу: «До каких ужасов рабства и смятения доводила их свобода Твоя» (14;235), великий мудрец сказал сыну человеческому: «Вместо печальной и серой эпохи твоей придет эпоха мучительной свободы»⁹.

В конце концов Великий инквизитор говорит Иисусу: «Сожгу Тебя за то, что пришел нам мешать»(14;237). Подобно инквизитору, великий мудрец говорит сыну человеческому: «Даже если Он вернется, то наткнется на камни, бросаемые твоим озарением, и разрыдавшись, возвратится к Тому, Кто послал Его»¹⁰. С точки зрения выражения намерения отправить вновь появившегося на земле Иисуса обратно на Небеса слова Великого инквизитора и великого мудреца очень похожи, немного различны лишь способы. Кроме того, антихристианская логика Ивана с различных сторон схожа с логикой Чо Донг Пхалю, до конца отвергающего принятие нравственного мирового порядка, утверждаемого христианством. Алеша, ведущий жизнь послушника в монастыре, схож с Мин Ёо Собом, изучавшим теологию в семинарии. Прослушав драматическую поэму Ивана, Алеша говорит, что мысли Ивана являются не чем иным, как атеизмом. Возвращающийся в христианство Мин Ёо Соб говорит Чо Донг Пхалю, что новый бог, которого они искали, является не более чем «атеизмом самой низшей формы».

«Сын человеческий» Ли Мун Ёля — это произведение, принадлежащее не только к традиции идейного, но также и к традиции детективного романа. Конечно, при детальном рассмотрении будет не совсем правильно причислить этот роман к детективному жанру, потому что он отличается от традиционных детективных романов, в которых сыщик с помощью особой детальной наблюдательности и логического мышления раскрывает дела, непосильные обычному следователю или полицейскому. По сравнению с такими сыщиками, как Шерлок Холмс Артура Конан-Дойля и Арсен Люпен ле Блана, обладавшими незаурядным умом и необычайной решимостью, полицейский

Нам Кёнг Хо, расследующий дело Мин Ёо Соба, являлся простым следователем. Но при этом роман в своей основной структуре во многом имеет особенности детективного романа. Прежде всего нужно отметить убийство в начале романа и его раскрытие в конце, а также характеристику этого происшествия как чистого убийства, по меньшей мере на первый взгляд. Неумелое расследование происшествий обычными следователями полиции, такими как инспектор Ли, также придает роману детективный характер. Однако упорное расследование полицейского Нама, проявляющего чрезмерное, превышающее служебные обязанности любопытство и интерес к делу, имеет много общего с расследованием настоящих сыщиков. Занимающийся расследованием дела полицейский Нам идет по следам Мин Ёо Соба и Чо Донг Пхаля по всей стране. Приемы детективного романа в «Сыне человеческом» Ли Мун Ёля почти одинаковы с приемами, используемыми в «Преступлении и наказании» Достоевского. Процесс расследования и поведение полицейского Нама очень напоминают действия следователя Порфирия Петровича из «Преступления и наказания». Полицейский Нам находит преступника, читая дневник Мин Ёо Соба. Порфирий Петрович, прочитавший статью Раскольникова о преступлении, догадывается, что убийцей старухи-процентщицы является Раскольников. И Достоевский, и Ли Мун Ёль, искусно соединяя идейный и детективный романы, стремятся вызвать интерес читателя. Приемы детективного романа не только придают напряжение идейному роману, способному показаться скучным из-за абстрактности, но также сообщают конкретный реалистический характер произведению.

Проблема человека и Бога, а также свободы и ответственности в романах Достоевского «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы» является очень актуальной и важной. В романе «Сын человеческий» Ли Мун Ёля такие метафизические проблемы становятся доминирующими. Именно с этой точки зрения «Сын человеческий» может быть назван метафизическим или идейным романом в серьезном смысле слова, также рассматривающим тему Бога и человека, свободы и ответственности. Романы Достоевского являются своего рода ступенями, ведущими к познанию проблемы существования Бога. Герои Достоевского «впадают в идею» и растрачивают себя в

потоках речей. Можно сказать, что Раскольников, Кириллов и Иван Карамазов живут, питаясь идеями.

Герой «Сына человеческого» Мин Йо Соб, будучи типичным прагматиком, напрочь отрицает традиционное христианское мировоззрение. В детстве, будучи сиротой военного времени и находясь на воспитании у американского проповедника, он был верным христианином и подающим надежды учеником семинарии. Его, избравшего семинарию, хвалят окружающие люди, как молодого человека, одержимого «непоколебимой верой и стремлением к добру». Один его друг по семинарии вспоминал о нем как о человеке, «прилагавшем огромные усилия для воплощения в жизнь Божьего учения, так что остальные не могли за ним поспеть»¹¹. Из слов старушки, работавшей воспитательницей в доме американского проповедника и фактически воспитавшей Мин Йо Соба, можно судить о том, каким он был человеком в действительности. Старушка говорила, что Мин Йо Соб, иногда посещая лепрозорий, сиротские приюты и реабилитационные центры, не жалел усилий в помощи одиноким и отвергнутым обществом людям. Думая о том, что его сосед ходит раздетым, он даже в холодную зиму не надевал носки.

Но, будучи таковым, Мин Йо Соб постепенно чувствует глубокое разочарование в традиционном христианском мировоззрении и в конце концов полностью отрекается от Бога. Он не только бросает семинарию, но и отворачивается от Бога и Церкви, в которых он так страстно верил. Ему начинает казаться, что Церковь является не светом и солью земли, а служит для сокрытия и разрушения реальности, что прогнившая, деградирующая и проникнутая ложью Церковь, воспевая блага будущей жизни, остается равнодушна к здешней, остается не более чем средством для легального способа приобретения состояния. Разочаровавшись в системе христианства, Мин Йо Соб разрабатывает антихристианскую логику и направляет свой взор на общественные проблемы настоящего. Мин Йо Соб, считая здешнюю жизнь важнее будущей, участвует в общественной жизни, он глубоко заинтересован в проблеме спасения человека в настоящем. Он не только работает разнорабочим на грузовой пристани, но также участвует в трудовом движении. Он посещает бедные кварталы на окраинах различных городов; раскинутых по стране, и прилагает всевозможные усилия по

улучшению жизни измученного и отверженного обществом класса. Всею душой он заботится о детях, чистящих обувь или продающих жевательные резинки, не имеющих жилья нищих стариках, инвалидах. Один знавший его в то время друг говорит о нем следующее: «Я думаю, что он (Мин Йо Соб. — Авт.) либо станет революционером, либо основателем собственной религии в хорошем или плохом смысле»¹². В Мин Йо Собе более преобладала практическая сторона, нежели абстрактная теоретическая или логическая.

К счастью, у Мин Йо Соба, не жалевшего сил для облегчения страданий человека в настоящем, появился ученик Чо Донг Пхаль. Очарованный «новым и светлым миром в душе» Мин Йо Соба, в бытность рабочим на грузовой пристани жившего в пансионе Чо Донг Пхалья, он становится его верным последователем. Чо Донг Пхаль постепенно проникся его идеей и так верно следовал его вере и поступкам, что одно из действующих лиц романа называет его «маленьким Мин Йо Собом». Ким Сун Джа, бывшая одно время проституткой и, не устояв перед предложением Чо Донг Пхалья, вышедшая за него замуж, говорит, что Чо Донг Пхаль был человеком, уважавшим Мин Йо Соба настолько, что «не осмелился бы даже наступить на его тень», и ради него готового «с радостью отдать жизнь». Фактически Мин Йо Соб, до своего возвращения в христианство, был не только основой, оправдывавшей поведение Чо Донг Пхалья, но и «логикой и философией», объясняющей его поступки. И в самой последней сцене этого романа Чо Донг Пхаль говорит, что «его вера и одинокая борьба за ее воплощение прекрасна и убедительна»¹³.

В «Сыне человеческом» Ли Мун Ёля используется прием двойника, который можно назвать типичным приемом Достоевского. Достоевский написал повесть «Двойник» и в дальнейшем часто использовал прием двойника. В «Преступлении и наказании» двойником Раскольникова выступает Свидригайлов, в «Идиоте» двойником Мышкина — Рогожин, в «Бесах» двойником Ставрогина — Петр Верховенский и другие, в «Братьях Карамазовых» двойником Ивана — Смердяков. В романах Достоевского двойники являются тенями главных героев и пародиями на них. Главные герои — это создатели какой-либо идеи, двойники же — слепые последователи идей главных героев.

В романе Ли Мун Ёля «Сын человеческий» отношения Мин Ёо Соба и Чо Донг Пхаля напоминают отношения Ивана и Смердякова в «Братьях Карамазовых», а также Ставрогина и Петра Верховенского в «Бесах». Двойник Ивана Смердяков, поклоняясь идее Ивана о «вседозволенности», в конце концов совершает убийство. Петр Верховенский поклоняется Ставрогину как Зевсу или царю: «Что вы смотрите на меня? Мне вы, вы надобны, без вас я нуль. Без вас я муха, идея в стклянке, Колумб без Америки» (10; 324). Двойники единодушно поклоняются хозяину как богу. Петр говорит Ставрогину: «Вы красавец, гордый, как бог» (10; 326). Однако этот бог, как это ни удивительно, существует только благодаря поклонению человека. Это человеческий бог, нуждающийся в людях. В «Сыне человеческом» отношения Мин Ёо Соба и Чо Донг Пхаля, нашедших нового бога, можно назвать двойниковым отношением учителя и ученика. Чо Донг Пхаль, будучи очарованным идеей Мин Ёо Соба, поклоняется и следует ему, как богу. Следуя ему, он в конце концов, так же, как Смердяков и Петр Верховенский, совершает убийство. С некоторой точки зрения отношения Чо Донг Пхаля и Мин Ёо Соба схожи с отношениями Раскольникова и Свидригайлова из «Преступления и наказания». Так же, как Свидригайлов является двойником Раскольникова, Чо Донг Пхаль становится двойником Мин Ёо Соба, его вторым «я». Мин Ёо Соб и Чо Донг Пхаль скорее являются одним человеком с двумя лицами, нежели двумя отдельными людьми. Иными словами, Чо Донг Пхаль — это личность, вызванная в жизни раздвоением личности. Если Мин Ёо Соб соответствует внутреннему «я», то Чо Донг Пхаль — внешнему. Если Мин Ёо Соб является личностью, символизирующей абстрактную теорию и логическое «я», то Чо Донг Пхаль — личностью, символизирующей действующее «я». Отношения этих двух людей очень похожи на отношения великого мудреца и Иеговы. Логике Мин Ёо Соба и действия Чо Донг Пхаля можно назвать одним величайшим планом нахождения нового бога и построения нового рая на земле. Однако изначально бывшие одним телом «великий мудрец» и Иегова не могут избежать трагического саморазделения.

Мин Ёо Соб и Чо Донг Пхаль пытаются найти «нового бога», заменяющего традиционного. Жизнеописание Ахаса Пер-

ца, делавшего записи о своем духовном блуждании в виде путевых заметок, является продуктом процесса искания нового бога. В блужданиях и поиске нового бога и истины, в запретной связи с замужней женщиной, имевшей сына и дочь, а также в других поступках Мин Йо Соб очень похож на Ахаса Перца. Ахас Перц, стесненный Священным Писанием традиционного христианства и едва спасший жизнь от кризиса, является образом нового бога, найденного Мин Йо Собом.

И Ахас Перц, и Мин Йо Соб отрицают традиционного Бога и систему ценностей «ради большей веры и твердости». Они, покинувшие дом и скитающиеся в поисках нового бога, находят «одинокую священность». Ахас Перц, отвергнув иудейского Бога, покидает родину в поисках нового бога и начиная с Египта и побережья Ганы, проходит через Финикию, Малую Азию, Северную Сирию, Вавилон, Персию и наконец отправляется в далекий путь исканий в Индию и Рим. Вняв словам слепца и на углу улицы Рима — его последнего местонахождения — обретя «новое просветление духа», он возвращается обратно на иудейскую землю и встречает наконец Иисуса в провинции Куаранталья. Ушедший из дома в восемнадцать лет и возвратившийся на родину в тридцать три года Ахас Перц в течение долгого времени — более 15 лет — скитался на чужбине.

В романах Достоевского и Ли Мун Ёля образ Иисуса является доминирующим. Во время семи встреч с Иисусом Ахас Перц вступает с Ним в спор. В их спорах, естественно, обсуждаются свобода и ответственность человека. Их спор с различных сторон напоминает спор Великого инквизитора и Иисуса из поэмы Ивана «Великий инквизитор». Великий инквизитор, лишая человека свободы совести, требуя абсолютного повиновения и уничтожая всякую индивидуальность, желает дать счастье человеку в будущем. Поработив людей прежде всего морально, он хочет дать им хлеба. Только таким образом все люди могут быть счастливы и может быть построено Божье Царство. Однако желаемое Великим инквизитором царство является царством на земле, а не на небе. Потому что Великий инквизитор не верит в бессмертие духа, его старания направлены на построение Божьего Царства на земле, а не туманного царства после смерти. Иван, так же как и Великий инквизитор, приходит к заключению, что даже если Бог и существует, то Божий поря-

док не применим к людям. Ахас Перц говорит Иисусу Христу, что грех человека — это не более чем «ненужная идея», выдуманная Иеговой. Возомнивший себя «сыном человеческим», он, говоря, что «слышал, что человек — это единственное из всех созданий, рожденное для самого себя, которому дано больше всех и которому позволено больше всего. И поэтому люди должны пользоваться этим. Ничему не позволено превратить их в какие-либо средства, и ни по какой причине нельзя отобрать или запретить им эти блага»¹⁴, в конце концов отрицает Иисуса Христа. Иисусу, несшему на плечах Своих крест во время восхождения на Голгофу и упавшего в изнеможении перед домом Ахаса Перца, было даже отказано в просьбе передохнуть. «Ступай Своей дорогой. Ты есть Сын Божий, так и найди покой в Божьем Царстве. А здесь земля человека»¹⁵ — говорит Ахас Перц, укорачивая Его путь к гибели. По меньшей мере до момента возвращения Мин Йо Соба в христианство «сын неба» Ахас Перц был единственным богом, способным избавить человека от мучений и отчаяния, — именно он, а не «Сын Бога» Иисус Христос. Идея о человеческом боге, прошедшая через Раскольникова, Кириллова и достигшая апогея в идее Ивана, находит отзыв в идее человеческого бога Ахаса Перца и Мин Йо Соба.

С одной стороны, «Книга Куарантальи», написанная Чо Донг Пхалем на основе записей Мин Йо Соба, является писанием, содержащим записи о найденном ими новом боге. И хотя из-за ограниченных возможностей оно не до конца соответствовало его замыслу, это писание имеет одинаковые корни с основой новой религии, искомой Чо Донг Пхалем. Согласно этому писанию, человек не является грешным существом, погрязшем в долине слез и смерти. Наоборот, человек является «верхом совершенства создания, самым совершенным выражением двух гармонирующих полов», а также «существом, благословленным Богом». В «Куаранталье» есть такое утверждение: «Вам все позволено, вам все прощено, вы довольны и благополучны. Ваше создание стало самоцелью, и было завершено с самого начала света»¹⁶. Выраженная в «Куаранталье» идея Чо Донг Пхаля о том, что «все позволено», первоначально являлась идеей Ивана. Их идея о том, что «все позволено», является атеистической, отрицающей Бога и разрушающей человека логикой.

В романах Достоевского религиозная идея и религиозный опыт выражены в двух основных формах. Одна в своей сути принадлежит к традиционному христианству, другая — к тайному язычеству. В «Сыне человеческом» Ли Мун Ёля рассматриваются две формы религиозного опыта, так же, как у Достоевского. Однако по сравнению с Достоевским Ли Мун Ёль более приближается к проблеме язычества. Бог, найденный Мин Йо Собом и Чо Донг Пхалем, совершенно далек от традиционного христианского Бога. Потому что созданный ими бог был не властвующим, правящим и гневающимся, а великодушным и любящим богом. По словам полицейского Нама, их бог гуманизирован до степени безбожия. Их бог похож на человеческого бога, которому поклоняются Раскольников или Кириллов. Бог, лишенный права судить добро и зло, бог, который не вознаграждает за добро, так же, как и не наказывает за зло. Это и есть бог, которого они нашли в результате стараний и труда. Образ найденного ими в конце концов бога ясно видится из разговора Чо Донг Пхалю с полицейским Намом.

«Мы уже давно нашли бога. Нам не хватило лишь грамотности написать о нем как надо, но этот бог был разрешением наших долгих исканий, окончательным продуктом нашего разума. Вы наверняка прочли это [...] Бог, не имеющий права судить добро и зло, бог, не ограничивающий прежнее существование сказанным после словом, бог, прощающий и признающий нас всех, бог, не вмещающийся в рай или ад, жизнь на земле, бог, не желающий ни рабства, ни восхваления, не настаивающий на самопожертвовании, бог, верящий в нашу мудрость и делающий нас совершенно свободными...»¹⁷.

Найденный Мин Йо Собом и Чо Донг Пхалем бог — это бог, «вверяющий все в наши (человеческие) руки». Поступки, прощаемые среди людей, прощаются и этим богом. Таким образом, новый бог больше не правит человеком «вертикально», а наоборот, становится существом, живущим вместе с людьми в горизонтальной плоскости. Сын Бога Иисус Христос становится «сыном лжечеловека», а Ахас Перц — «сыном настоящего человека». По словам «великого мудреца», этот сын лжечеловека, может быть, скажет, что пришел на эту землю открыть новую эпоху любви, но фактически придет довершить до

конца самовластие Иеговы. Иисус является не более чем подобием равнодушного Отца, забывшего обязанности по воспитанию детей и бросившего их, но принуждающего к любви к Отцу. «Великий мудрец» говорит Ахасу Перцу, «настоящему человеку»: «Потрать все свои силы не для Всевышнего, а для таких же, как ты и я, используй свою мудрость не для далекого Царства Небесного, а для земли, на которую ты ступил»¹⁸. Таким образом, «Книга Куарантальи», наделяя человека безграничной свободой, ответственностью и надеждой, заканчивается следующим образом:

«Не внимай Небу понапрасну. Мы создали тебя на земле, там и ищи своего спасения и прощения. Воистину говорю тебе, что никто не притеснит тебя для нашего освящения. Твоя боль не может стать нашим наслаждением, твоя печаль не может стать нашей радостью. Тот, кто служит тебе, служит и нам, все начинается с тебя и кончается тобой»¹⁹.

Идея Чо Донг Пхалья имеет интертекстуальную взаимосвязь с идеей Кириллова в «Бесах». Кириллов по собственной воле стреляется. «Атрибут божества моего — Своеволие! Это все, чем я могу в главном пункте показать непокорность и новую страшную свободу мою. Ибо она очень страшна. Я убиваю себя, чтобы показать непокорность и новую страшную свободу мою» (10; 472). Возможно, Кириллов желал стать божеством, и можно сказать, что его желание в определенной степени закончилось неудачей. И хотя Мин Йо Соб, разочаровавшись в новом боге, снова приходит к христианству, Чо Донг Пхаль, совершив самоубийство, до самого последнего вдоха не оставляет надежды о новом найденном боге. Как будто бы предчувствуя свою судьбу, приняв яд и решив покончить с собой, Чо Донг Пхаль говорит полицейскому Наму: «Не думайте, что я проиграл и повергнут. Сейчас меня зовет кровь Мин Йо Соба, а не разочарование в новом боге. И до, и после этого мгновения вечно жить будет только наш бог, и даже если никто не почувствует его, эта одинокая священность будет всегда освещать ваши головы...»²⁰, и испускает последний вздох.

Одним словом, поставленная в «Сыне человеческом» проблема касается основания новой иерархии в отношениях Бога и человека, а также новой концепции свободы и ответственности.

сти человека. Согласно записям Мин Йо Соба, Ахас Перц по меньшей мере дважды говорит о том, что не Иегова создал человека, а человек создал Иегову. Однако подобная мысль ограничивается не только Ахасом Перцем, а обнаруживается у Мин Йо Соба, Чо Донг Пхаля, а также у самого автора. Если, по словам Ахаса Перца предположить, что человек создал Бога, то отношение Бога и человека не может быть не основано заново на какой-либо другой точке зрения, нежели традиционные христианские догматы. Человеку не нужно теперь подчиняться «богу ревности, гнева и капризов». Человек, не подчиняющийся власти Бога, может восхвалять собственную жизнь. Таким образом, этот роман содержит послание, говорящее о том, что человек до определенной степени должен жить полной жизнью на земле и не возлагать надежды на будущую жизнь.

В одной сцене, которую можно назвать кульминацией романа, Ахас Перц и Иисус Христос ведут разговор о счастье человека на земле. Ахас Перц говорит Иисусу, что «всё мгновенно, нет на свете вечного счастья или вечного несчастья»²¹. Иисус на его слова отвечает, что «для Него (Иеговы) нет ничего невозможного. Настанет обещанный день и вечность наполнится обновляющимся каждый миг счастьем»²². Слушающий Иисуса Ахас Перц возражает ему: «Обещанный день? Это дело далекого будущего, и не можем мы знать, что этот день обязательно придет. Сколько найдется людей, готовых пожертвовать жизнью, данную на этом свете один лишь раз, ради этого дня? Кто возжелает отказаться от малого, но возможного и верного счастья ради этого дня, который и в тысячу лет не настанет?»²³

Конечно, данная проблема не так проста, как она выглядит внешне. Несмотря на то, что Мин Йо Соб платит дорогой ценой — своей жизнью, он пренебрегает собственными жертвами и, бросив найденного нового бога, возвращается в традиционное христианство. И хотя об этом написано довольно неясно, но являющийся двойником Мин Йо Соба и новый богом Ахас Перц, похоже, в конце концов принимает Иисуса. Сидящий один в своей комнате Ахас Перц, освободившись от пут пространства и времени, лицезреет образ Иисуса Христа, распятого высоко на кресте и умершего на нем. Впервые за всю

свою жизнь обнаруживая человеческий облик, Ахас Перц, после лицезрения умирающего Иисуса, начинает верить в Воскресение и второе пришествие «Сына Бога». В последнем эпизоде, изображающем Мин Ёо Соба и Ахаса Перца, автор более или менее оставляет место для новой религии, имеющей в основе нового бога.

Подобно «Братьям Карамазовым» Достоевского, принимающим форму рамочного романа, «Сын человеческий» Ли Мун Ёля также имеет эту форму. С точки зрения включения одного повествования внутрь другого, при использовании метода повествования от третьего лица, роман «Сын человеческий» безусловно принадлежит к рамочным романам. Очень интересно проследить общие черты в «Братьях Карамазовых» и «Сыне человеческом». В «Братьях Карамазовых» ядром романа является «Великий инквизитор», а повествование о Федоре Карамазове и его трех сыновьях — рамочным. В «Сыне человеческом» во внутренней части повествования рассказ об Ахасе Перце, а во внешней — о Мин Ёо Собе и Чо Донг Пхале. Как видно из термина «рамочный роман», произведения, принадлежащие к этой форме, состоят из повествования типа «рамка и внутри рамки». Если повествование о Мин Ёо Собе и Чо Донг Пхале является «рамкой», то Ахас Перц — повествование «внутри рамки». Однако оба повествования имеют совершенно различный временной и пространственный характер. Прежде всего, Ахас Перц является человеком одной эпохи с Иисусом Христом и между двумя повествованиями временная разница составляет около двух тысяч лет. И с точки зрения пространства одно повествование описывает события на одной стороне земного шара, другое повествование — на другой. Повествование типа «рамка и внутри рамки» может поменять акценты в зависимости от того, на чем — поэме о Великом инквизиторе или рассказе о Федоре Карамазове и трех сыновьях в «Братьях Карамазовых» делается ударение. Тогда сюжет о Федоре Карамазове и трех сыновьях становится ядром, а сюжет поэмы о Великом инквизиторе до определенной степени является не более чем вспомогательным сюжетом к истории о Федоре Карамазове и трех сыновьях.

«Сын человеческий» можно назвать романом, состоящим из трех слоев, в отличие от обычного рамочного романа с двойной структурой «рамка и внутри рамки». В центре находится повествование об Ахасе Перце, затем вокруг него — рассказ о Мин Йо Собе и Чо Донг Пхале, и обрамляет все это рассказ о полицейском Нама. «Братья Карамазовы» могут быть также рассмотрены как повествование трехслойной структуры. В центре романа содержится поэма о Великом инквизиторе, вокруг нее — рассказ о Федоре Карамазове и трех сыновьях, и обрамляет все это — рассказ об Иване, Смердякове и дьяволе. При рассмотрении трехслойной структуры «Сына человеческого» критики обычно не проявляют особого интереса к слою, касающемуся рассказа о полицейском Нама, хотя он играет очень важную роль в этом произведении. В каком-то смысле будет правильным назвать полицейского Нама героем данного романа. Потому что с всевидящей точки зрения автора повествование о нем содержит свой независимый сюжет. Несмотря на то, что это произведение является романом от третьего лица, у читателей появляется чувство, что они читают роман от первого. Это означает, что роль полицейского Нама заметно сформировывается в более высокую, чем простого повествователя.

Стоит заметить, что этот роман начинается с повествования не о ком ином, как о полицейском Нама. И хотя в настоящее время Нам, родившийся первенцем в бедной семье и бросивший вечернее отделение университета, работает полицейским, одно время он мечтал о карьере юриста и готовился к государственным экзаменам. Впервые приступая к расследованию об убийстве Мин Йо Соба, он ощущает странное предчувствие. И по мере вникания в расследование он чувствует необычную страсть. Судя по тому, что автор романа часто использует нижеследующие выражения, можно понять, что его отношение к этому делу заметно отличается от других подобных случаев: «Полицейский Нам с какой-то новой страстью, чуждой профессиональному сознанию полицейского, заново приступил к расследованию»²⁴ или «Полицейский Нам предполагал, что и сам незаметно заразился ядом познаний Мин Йо Соба»²⁵. Отношения полицейского Нама и Мин Йо Соба напоминают связь Порфирия Петровича и Раскольникова.

Поэма о Великом инквизиторе в романе Достоевского «Братья Карамазовы» считается ядром религиозной идеи, но она не представляет такого романтического интереса, как рассказ об убийце отца, представленный во внешнем сюжете. Также и в «Сыне человеческом» часть, касающаяся «путевых заметок Ахаса Перца», является ядром религиозной идеи, но довольна скучна для романа. Более того, в сюжете о расследовании поведения Мин Ёо Соба и Чо Донг Пхаля полицейским Намом присутствует напряжение, как при чтении детективного романа. Во многом для создания присущего детективному роману напряжения Ли Мун Ёль вводит в повествование полицейского Нама, сравнимого с Порфирием Петровичем из «Преступления и наказания» Достоевского. Полицейский Нам арестовывает убийцу Мин Ёо Соба и, будучи очарованным идеей последнего, пытается анализировать ее. Процесс расследования полицейского Нама во многом схож с действиями следователя Порфирия Петровича, прочитавшего статью Раскольникова о преступлении и вступившего с ним в спор.

III. Заключение

«Сын человеческий», считающийся типичным современным корейским романом, важен для понимания творчества Ли Мун Ёля. Не будет преувеличением сказать, что здесь заложены семена всего, созданного Ли Мун Ёлем в будущем, найдены важные темы, рассматриваемые впоследствии, а также формы и приемы их разработки. Ключ к литературному секрету Ли Мун Ёля находится именно тут.

Прежде всего, в романе ясно обозначена особенность, являющаяся одновременно и источником большой притягательной силы, и ахилесовой пятой прозы Ли Мун Ёля: идейность как основа повествования. При искусном выражении этой идейности может быть получен выдающийся результат, в обратном случае же может легко получиться абстрактное и вычурное произведение. Выраженные в этом романе идейная система и идеология автора показывают свою ограниченность и невозможность превзойти Достоевского. Как было указано выше, сюжет и само содержание произведения не может быть не связано с классическим ароматом, исходящим от

созданий Достоевского. Однако более важно то, что стиль и идея Ли Мун Ёля после «Сына человеческого» постепенно совершенствуются и автор становится писателем мирового класса.

В любом случае необходим исследовательский анализ такой «встречи» современного корейского писателя с русским писателем XIX века Достоевским. Это даст возможность рассмотреть образ Достоевского в произведениях корейской литературы. В настоящее время можно часто наблюдать за «встречей» текста с текстом как результатом обмена и «поглощения» литературы различных стран вне зависимости от разницы во времени. С точки зрения интертекстуальности, данная система является не чем иным, как видоизменением другой системы, так как ничто не ново под солнцем. Интертекстуальность, полностью отвергая оригинальность и творчество, делает абстрактную систему бессильной. Однако наша попытка сравнения двух писателей не являлась отрицанием творчества или утверждением отсутствия оригинальности, а проявлением интереса к тому, как один писатель заимствовал, изменил и романизировал текст другого великого писателя. Произведения Ли Мун Ёля можно назвать не плагиатом, а творческой имитацией. Имитация — это «встреча» текстов, могущая дать рождение творчеству. Ли Мун Ёль говорил, что он желал написать величайшее произведение, достойное Достоевского, и из этого желания и родился роман «Сын человеческий».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Julia Kristeva. *Desire in Language: Semiotic Approach to Literature and Art*, ed. Leon S. Roudiez, trans. Thomas Gora, Alice Jardine and Leon S. Roudiez (New York: Columbia University Press, 1980), p. 66.

² Laurent Jenny. «La Strategie de la forme», *Poetique*, 27 (1976), p. 262.

³ Ким Ук Донг. «Ли Мун Ёль». Издательство Мин Ым Са, Сеул, с. 69.

⁴ Ли Мун Ёль. «Сын человеческий». Издательство Мин Ым Са, Сеул, 1987, с. 76.

⁵ Там же. С. 241.

⁶ Там же. С. 246.

⁷ Там же. С. 214.

⁸ Там же. С. 251.

⁹ Там же. С. 251.

¹⁰ Там же. С. 252.

¹¹ Там же. С. 21.

¹² Там же. С. 90.

¹³ Там же. С. 259.

¹⁴ Там же. С. 210.

¹⁵ Там же. С. 216.

¹⁶ Там же. С. 241.

¹⁷ Там же. С. 264.

¹⁸ Там же. С. 251.

¹⁹ Там же. С. 245.

²⁰ Там же. С. 268.

²¹ Там же. С. 195.

²² Там же. С. 195.

²³ Там же. С. 195–196.

²⁴ Там же. С. 220.

²⁵ Там же. С. 220.